

О новой хронологии В. Куренного в истории образования и личности

А. Т. Бикбов

Бикбов Александр Тахирович
кандидат социологических наук, при-
глашенный профессор Высшей шко-
лы социальных наук (Париж).

Адрес: 54 bd Raspail, 75006 Paris,
France.

E-mail: abikbov@gmail.com

Виталий Куренной — академический автор и участник административных экспертиз по вопросам образования и культуры. Это также коллега по журналу «Логос», чьи публикации порой тематически пересекаются с моими исследованиями. В статье В. Куренного «Философия либерального образования: контексты»¹ внимания заслуживает фрагмент, посвященный понятию «всесторонне развитая личность» в советский период. Внимание естественно: шесть лет назад вышла моя книга «Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность» [Бикбов, 2014]. В ее основу легло исследование обширного массива публично доступных текстов и вспомогательных классификаторов, включая научные и медийные публикации, энциклопедии и «серую литературу», официальные выступления и партийные программы, которые в разные периоды российской и советской истории произведены академическими и политическими игроками. Социальной механике и прагматике использования понятия «всесторонне развитая личность» в книге посвящена отдельная глава IV и часть главы V, где прослежено формирование советской модели «научно-технического прогресса». Из свежей статьи коллеги я ожидал почерпнуть новые факты и попытки контекстуализации. И знакомство с нею стало в некотором роде открытием. Но совсем иного толка, чем я рассчитывал.

Прежде чем перейти к двум основным замечаниям, которые вызывает эта часть статьи, имеет смысл прояснить их направ-

¹ Вопросы образования/Educational Studies Moscow. 2020. № 2.

ную плоскость, а именно резюмировать некоторые исследовательские находки, предложенные в «Грамматике порядка».

Методологически мой анализ «всесторонне развитой личности» опирается на использование в публичной и научной речи устойчивых формул «гармоническое и всестороннее развитие» и «удовлетворение потребностей». В разные периоды сами эти формулы остаются поразительно устойчивыми, меняется семантический оператор, который задействуют в них официальные ораторы, академические авторы и журналисты. В 1920–1940-е годы ключевой оператор — «массы», чьи потребности следует удовлетворять и о чьем развитии заботиться. Один из ярких примеров — статья Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», где в контексте «удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей» фигурирует понятие «общество», гораздо реже «человек» и никогда — «личность». «Личность» появляется лишь у Хрущева, и число ее упоминаний растет в последующие десятилетия во всем корпусе. В целом с конца 1950-х радикальный сдвиг происходит в самых разных контекстах: место «масс» в тех же устойчивых формулах занимает «личность». То есть «гармоническое и всестороннее развитие личности» — это своего рода щелчок историческим тумблером. Уже в программу КПСС 1961 г. эта формула включается в эталонном виде, который прослеживается в текстовых данных всего позднесоветского периода.

Далее, я анализирую связанные контексты, в которых понятие «всесторонне развитая личность» доопределяется содержательно. Анализ массива публикаций и классификаторов позволяет установить, что такими контекстами с конца 1950-х становятся «потребление», «досуг», «вкусы», а с 1970-х даже «права человека» — тематизация попросту невообразима в сталинский период. Я уделяю особое внимание массовому использованию понятий «досуг» и «творческое развитие» (которые вводятся параллельно с «трудом»), а также «потребление» (наряду с «производством»), поскольку этот выход за рамки мобилизационных схем «труда — производства — классовой борьбы» и становится новой формулой порядка, отныне нацеленного на выявление потребностей и их удовлетворение.

Конструкция «научно-технический прогресс», создание которой относится к тому же периоду, дополняет этот анализ важным измерением. В послевоенные сталинские годы прогресс определяется исключительно как «совершенствование высшей техники», т. е. как оптимизация производства, включая военное. Понятие все еще находится в поле мобилизационной и милитаризованной риторики. В начале 1960-х смысл «прогресса» радикально меняется: он демилитаризуется (семантика «мира» играет особенно важную роль в это десятилетие), отныне он призван обеспечивать личность досугом для «всесторон-

него развития». Подобная конфигурация в сталинский период тоже невообразима: мобилизационная схема классово-войны уступает место планомерному прогрессу науки и техники, который усилиями целой когорты авторов превращается в горизонт формирования «личности».

Книга содержит анализ и более тонких понятийных структур, профессиональной механики, возносящей понятия на вершину символических иерархий и ведущей их к политической смерти, а также описывает конкурентную борьбу отдельных авторских групп за определение смысла терминологии. Но базовая аналитическая схема, основанная на проработке материала нескольких десятилетий, компактна и понятна. Она была многократно представлена в междисциплинарных дискуссиях и стала референтной для ряда публикаций. Собственно, в этом и заключается установочный характер проведенного исследования. Кроме этого, нужно упомянуть, что первая версия главы о «всесторонне развитой личности» в советском порядке была представлена в рамках междисциплинарного проекта, посвященного теме персональности, который Николай Плотников организовал еще в середине 2000-х. В. Куренной участвовал в семинарах и дискуссиях, где я представлял свою работу. В томе «Персональность», вышедшем на русском языке [Плотников, Хаардт, 2007] и на немецком [Haardt, Plotnikov, 2008], моя статья, расширенная затем для книги, и статья Куренного о проблеме персональности в дореволюционной русской педагогике опубликованы под одной обложкой.

В статье В. Куренного «Философия либерального образования: контексты» часть, посвященная «всесторонне развитой личности», представляет собой тематически обособленный фрагмент, которому отведены 5 страниц из 29 (с. 17–21). Это не центральная тема статьи, но сам автор презентует ее как самостоятельное историко-семантическое исследование.

Сформулировав любопытное предположение о наследовании определения личности в программе РСДРП 1903 г. из Эрфуртской программы СДПГ 1891 г., он переходит к схематичному изложению истории понятия в советский период. Для начала он обращается к устойчивой формуле «обеспечение благосостояния и всестороннего развития», которая встречается в указанных партийных документах и более поздних докладах Сталина. Куренной полагает, что уже в сталинских текстах речь идет о личности, хотя в действительности термин там не фигурирует — там есть только «люди» и «члены общества». Собственно, этому в «Грамматике порядка» уделено специальное внимание. Показательно при этом, что коллега пользуется аналитическим ходом, предложенным в книге, когда обращается к устойчивым формулам «обеспечения потребностей» и «всестороннего раз-

вития», чтобы обнаружить их в программных политических текстах разного периода. Фрагменты из статьи Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», программы КПСС 1961 г., отсылка к Большой советской энциклопедии — те же, что представлены в «Грамматике порядка».

В своих дальнейших размышлениях В. Куренной отмечает, что контекстом «всестороннего развития членов общества» становится у Сталина свободный выбор профессии, и в этом вождь воспроизводит тезис раннего Маркса. На деле в текстах Сталина присутствует куда более реалистичная задача развития, а именно «поднять бедноту до зажиточной жизни», в то время как декларация свободного труда выполняет функцию, аналогичную многим «витринным» формам официальной речи 1930-х, от Конституции 1936 г. до «Книги о вкусной и здоровой пище». Такие формы, конечно, не отражают фактического положения дел в советском праве или сфере потребления, а генерируют их нормативный код. Куренной полностью игнорирует эту парадоксальную двойственность, допуская, что позиция Сталина прозрачна в его отношениях с коммунистическим идеалом. Но подобная неясность не мешает автору констатировать следующий ясный сдвиг: переход от языка мобилизации к языку «удовлетворения культурных потребностей» и, более широко, «потребностей и услуг». Он объясняет этот сдвиг в контексте «совершенствования социалистического производства на базе высшей техники». То есть фиксирует перевод понятия личности в контекст технического прогресса, снова следуя аналитической схеме, предложенной в «Грамматике порядка».

В данной части статьи В. Куренной затрагивает и другие темы. В частности, отослав к книге Алексея Юрчака [2014], он рассуждает о фигуре Сталина как носителе авторитетного дискурса и повторяет тезис Эгле Риндзевичуте [Rindzevičiūtė, 2008] о подчинении сектора культуры производственному сектору. Переходы между этими и ранее обозначенными темами автор не проясняет. Но, как можно видеть, несколько ключевых компонент советской истории «личности» содержат очевидное сходство с «Грамматикой порядка». Коренное отличие заключается в датировке: Куренной ограничивает все указанные сдвиги сталинским периодом. В этом отношении его новая хронология явно противоречит обширному материалу, проанализированному в книге. И к этому расхождению я вернусь чуть позже.

Пока же, оглядываясь на проделанную исследовательскую работу, я должен признаться в особом удовольствии от того, что ее методологические находки и модель, доведенная мною до ясной формы в «Грамматике порядка», были востребованы коллегой. Что-то лишь едва уловимо мешает этому чувству. Вероятно, тот факт, что В. Куренной ни разу не ссылается на «Грамматику порядка» или на том «Персональности», как

и на другие исследования по теме, появившиеся за последние десять лет.

Мне уже приходилось встречать молчаливые отсылки к «Грамматике порядка» в текстах молодых коллег, где отсутствовала прямая библиографическая сноска. В таких случаях аналитическая схема презентовалась в регистре «как хорошо известно...». В некотором смысле это даже лестная форма признания: обнаружить свои исследовательские находки так быстро вошедшими в интеллектуальный оборот, что они получают статус бесспорного знания. Бывают и другие варианты, когда работа коллег может игнорироваться на приемлемых основаниях. Например, если авторы работают по близким темам, но их подходы не пересекаются или конфликтны, один сохраняет право не ссылаться на тексты другого, если только не пишет тематического обзора.

Данный случай не подпадает под указанные варианты. Во-первых, коллега Куренной непосредственно участвовал в обсуждениях, где была представлена моя работа с советским понятием «всесторонне развитая личность». Во-вторых, его текст имеет обзорный характер, где цитируются другие источники методологического вдохновения, но не «Грамматика порядка». Ситуация ясно кодифицируется в терминах академической этики, поскольку банальному незнанию с той или иной версией текста противоречат факты совместного обсуждения, а их избирательное забвение не снимает вопроса о враждебной неколлегиальности подобных причуд памяти.

Этический сбой в статье В. Куренного сопровождается серьезная методологическая ошибка, которая замаскирована лапидарностью отсылок и смешением понятийных рядов. Я уже упомянул, что статья неявно оппонирует хронологии обширного дискурсивного материала, представленного в «Грамматике порядка». Данные проведенного мною исследования локализируют масштабные синхронные сдвиги в понятийных структурах на рубеже 1950–1960-х годов, тогда как Куренной размещает элементы той же аналитической схемы на интервале с конца 1930-х до начала 1950-х, приписывая лично Сталину изобретение позднесоветских институтов. Для этого он использует редкие цитаты из текстов вождя к каждой из тем и без дальнейшего анализа фактов утверждает, будто тренд сохраняется в последующие десятилетия. Один раз в подтверждение этой мысли Куренной отсылает к существующему исследованию. Упомянув о переходе к дискурсу «потребностей и услуг» еще при Сталине, он указывает на работу Риндзевичуте [Rindzevičiūtė, 2008], не замечая, что цитируемые ею советские тексты по теме датированы второй половиной 1950-х и 1960-ми. Это наглядно иллюстрирует научную небрежность, с которой тезис, не выдерживающий проверки данными, компенсируется убеждением «тем хуже для реальности».

Стиль аргументации в статье и отсутствие ссылок на установочные исследования позволяют адресовать вопрос и к редакции журнала, и к рецензентам, чьей экспертизе была доверена рукопись. Рецензирование — ключевой инструмент, призванный обеспечить интеллектуальный уровень издания и доверие читателей. Вызывает удивление, что подобные изъятия не стали предметом внимания до выхода текста в свет.

В чем источник методологической ошибки В. Куренного? Связана ли она с «неверностью» приводимых им сталинских цитат? Нет, цитаты не содержат искажений. Ошибка в том, что автор систематически игнорирует разрыв между ранними вхождениями терминологии и превращением понятий в ключевые, как их определяет Райнхарт Козеллек [2006], чьи работы должны быть хорошо знакомы коллеге. Ключевым или основным понятие становится благодаря публичным дискуссиям, систематической работе по контекстуализации и реинтерпретации в интеллектуальной и политической речи. И для того чтобы проследить траекторию понятия от раннего вхождения до «твердого» публичного факта или института, требуется переработать весомый объем данных.

Здесь история понятий преподносит множество сюрпризов — примеров того, как ранние терминологические эксперименты или экспрессивные формы социально реактивируются в «подходящий» момент десятилетиями позже, существенно меняя свой смысл в новых контекстах. К этому ряду относится, например, понятие «перестройка» из ранних 1960-х, введенное как «перестройка по производственному принципу всех руководящих органов» и повторно задействованное в середине 1980-х вне всякой связи с производством. Или формула «догнать и перегнать передовые страны», которая звучала в выступлениях не только Сталина, но ранее — Ленина и Троцкого. Она определила тональность уже совсем иной, хрущевской, эпохи, причем в контексте индивидуального потребительского благосостояния. Культ «деловых качеств» также прослеживается в советской бюрократической риторике с 1920-х, но мало кому пришло бы в голову настаивать на создании в СССР культуры свободного предпринимательства. Абсолютизируя более ранние (при этом совсем не обязательно хронологически первичные) упоминания и полностью игнорируя сложную историческую механику превращения понятий в ключевые, Куренной опасно балансирует на грани дилетантской «новой хронологии».

Вопрос периодизации — один из базовых в любой исторической работе, и он, без сомнения, выходит за рамки, заданные историей понятий. Еще Мишель Фуко подчеркивал, что некоторые элементы дисциплинарного общества и либеральных управленческих технологий можно проследить вплоть до Средних веков [Фуко, 2011. С. 15–50]. Но такие прецеденты не ста-

вят под сомнение относительно позднюю историческую сборку современных режимов правления. Скорее, дают стимул для пересмотра слишком прямолинейных и поспешно принятых схем. Именно здесь инструменты исторической семантики используются для уточнения границ институциональных сдвигов, а не для их гротескной отмены.

Пересмотр хронологических границ в исследованиях позднесоветского порядка требует крайне тщательной работы с данными. В качестве примера такой работы сошлюсь на статьи Марии Майофис и Ильи Кукулина [2017; 2019]. На архивных материалах они демонстрируют, как становление новой «искренности» в литературе и «индивидуального подхода к ребенку» в школе происходит еще в позднесталинский период, предваряя масштабные оттепельные сдвиги. Внимательная реконструкция показывает, что источником новаций выступает, конечно, не лично Сталин, а конкурирующие профессиональные группы, которые в результате политического поворота получают широкую профессиональную и публичную сцену. Исследования другого направления продолжают анализ позднесоветской субъективности в связи со сталинским периодом на материале эго-документов [Пинский, 2018]. Здесь также на первом плане — историческая трансформация субъективности и идентичности, а не убеждение, что «все было уже у Сталина».

В этом свете оба осязаемых сбоя в статье В. Куренного, этический и методологический, которые поначалу кажутся не связанными между собой, оказываются выражением одной и той же установки. Коллега забывает об одних «неподходящих» исследованиях и переиначивает другие, поскольку это позволяет ему более увлеченно подавать свои построения в духе новой хронологии. И это демонстрирует уже не его волю к знанию, а манеру добиваться академической власти. Следуй автор путем академической добросовестности, т. е. соотноси он свои размышления с установочными исследованиями, скороспелые прозрения стремительно потеряли бы убедительность в глазах читателей. В том числе тех представителей широкой экспертной среды, чья специализация лежит вне области исторической семантики и генеалогии советского образования.

В своих рассуждениях о принципах университета коллега регулярно настаивает на привилегии академического уединения [Куренной, 2007. С. 70–71; Гуськов, 2013], которое он противопоставляет коллективной солидарности и социальной обусловленности мысли: «Думай сам и работай сам, а не в „коллективе“». Его статья показывает, чем оборачивается подобная привилегия в практическом выражении: попыткой создать суверенный островок, где мысль автора не будет потревожена серьезными исследователями. Отгородившись от актуальных исследований и сталинизирував историю личности, В. Куренной

тем самым разрывает с одним из основных принципов научной работы — тщательно аргументированным совместным поиском. Жанр статьи лишь закрепляет этот разрыв. Представляя собой конгломерат из множества тем и эпох с едва намеченными связями и переходами, текст выражает претензию на тотальность, вызывая недоумение у серьезных специалистов. Изъяны аргументации и фактические несоответствия замаскированы здесь метаэкспертной тональностью высказываний. И лишь контрэкспертиза отдельных фрагментов в полной мере раскрывает капитальные сбои всей конструкции. Стиль автора демонстрирует не полный отказ от научной рациональности, а ее фрагментарное использование в режиме *ad hoc*, т. е. с выгодой для желательной точки зрения. Именно это превращает интеллектуальное уединение в научную самоизоляцию — групповой и корпоративный суверенитет, который располагает к злоупотреблениям академической властью.

Литература

1. Бикбов А. (2014) Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: ВШЭ.
2. Гуськов С. (2013) «Антагонизм этот хорошо узнаваем» // Colta. 26 ноября. <https://www.colta.ru/articles/art/1246-antagonizm-etot-horoshho-uznavaem>
3. Козеллек Р. (2006) Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. Сб. науч. работ. СПб.: Алетейя.
4. Куренной В. (2007) Уединение университетского философа // Логос. № 6. С. 63–74.
5. Майофис М. (2017) Общество по борьбе с ханжеством: об одной незамеченной тенденции в литературе 1950-х годов // Новое литературное обозрение. № 143. С. 91–108.
6. Майофис М., Кукулин И. (2019) Языковое конструирование образовательной политики и история советского образования: пролегомены к теме // Ю. Кагарлицкий, Д. Калугин, Б. Маслов (ред.) Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики. М.: Новое литературное обозрение. С. 395–444.
7. Пинский А. (ред.) (2018) После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб.: Изд-во ЕУСПб.
8. Плотников Н., Хаардт А. (ред.) (2007) Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. М.: Модест Колеров.
9. Фуко М. (2011) Безопасность, территория, население. СПб.: Наука.
10. Юрчак А. (2014) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.
11. Haardt A., Plotnikov N. (Hgs) (2008) Diskurse der Personalität. Die Begriffsgeschichte der ‚Person‘ aus deutscher und russischer Perspektive. München: Wilhelm Fink Verlag.
12. Rindzevičiūtė E. (2008) Constructing Soviet Cultural Policy: Cybernetics and Governance in Lithuania. Linköping: Linköping University.